

ОТКРЫТИЕ И ИЗУЧЕНИЕ ЖИЛЫХ КОМПЛЕКСОВ НА СТОЯНКЕ КОСТЕНКИ 1/І (1926–1936 ГОДЫ)

Р. В. Пахомов

Воронежский областной краеведческий музей

Поступила в редакцию 27 февраля 2025 г.

Аннотация: рассматривается ключевой эпизод в изучении стоянок Костенковско-Борщевского археологического района – раскопки Костенковской палеолитической экспедиции на Костенках 1/І в 1926–1936 гг. В результате их были выявлены и изучены 1-й и 3-й жилые комплексы. Первый включал в себя целые конструкции (остатки землянок и полужемлянок, ямы-хранилища и ямы-кладовые) и артефакты (каменные и костяные находки). Полученные материалы сыграли значимую роль в реконструкции культуры и быта первобытных людей, проживавших на территории Среднего Дона во времена верхнего палеолита. Работа строится на данных документов из архивных фондов Рукописного отдела Института истории материальной культуры РАН (далее – ИИМК РАН) и Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамеры) (далее – МАЭ РАН), а также опубликованных источников (отчетных статей и комплексных монографий).

Ключевые слова: Костенки 1/І, П. П. Ефименко, С. Н. Замятнин, А. Н. Рогачев.

Abstract: the article examines a key episode in the study of the sites of the Kostenkovsko-Borshchevsky archaeological area – the excavations of the Kostenkov Paleolithic expedition on Kostenki 1/I in 1926–1936. As a result, the 1st and 3rd residential complexes were identified and studied. The first one included entire structures (remains of dugouts and semi-dugouts, storage pits and storage pits) and artifacts (stone and bone finds). The obtained materials played a significant role in the reconstruction of the culture and way of life of primitive people who lived on the territory of the Middle Don during the Upper Paleolithic. The work is based on data from documents from the archival collections of the Manuscript Department of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (hereinafter – ИИМК RAS) and the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Kunstkamera) (hereinafter – MAE RAS), as well as published sources (reporting articles and comprehensive monographs).

Key words: Kostenki 1/I, P. P. Efimenko, S. N. Zamyatnin, A. N. Rogachev.

Открытие Борщевской палеолитической стоянки подтвердило слова И. С. Полякова, что «для будущих же исследований в окрестностях Костенок остается еще широкое поприще» [1, с. 79]. Полученные при ее изучении материалы подтолкнули С. Н. Замятнина продолжить работы в Костенковско-Борщевском регионе. Благодаря ему при поддержке Русского музея (РМ) в 1923 г. была организована экспедиция под руководством П. П. Ефименко. Она обнаружила следы жилого объекта, яму-хранилище и богатую коллекцию каменных и костяных изделий в размере 1291 единицы [2, с. 125; 3, с. 51; 4, с. 203–207; 5, с. 76–77; 6, с. 28–29; 7; 8, с. 139–142]. Через год состоялся сбор подъемного материала сотрудниками Воронежского государственного историко-культурного музея Д. Д. Леоновым и М. Е. Фосс в 1924 г. [3, с. 51; 9, с. 208]. Эти работы стали началом комплексного изучения жилых комплексов на территории Костенок 1/І.

Данная статья посвящена исследованиям Костенковской палеолитической экспедиции периода

1926–1936 гг. Именно тогда закладывались и активно развивались методы изучения палеолитических жилых объектов Костенковско-Борщевского археологического района.

Спустя три года после экспедиции 1923 г. группа исследователей во главе с П. П. Ефименко развернула новые работы в районе Костенок 1/І. По своему характеру они являлись небольшими разведками территории с целью выявления следов обитания древних людей. В результате был выявлен жилой комплекс, известный сейчас в отечественной историографии под номером 3 [10; 11, с. 91–92].

После пятилетнего перерыва Костенковская палеолитическая экспедиция во главе с П. П. Ефименко продолжила исследования на стоянке. Их целью стало изучение культурных остатков по отношению к месту обитания. Для ее реализации Петр Петрович применил новый метод – раскопки широкими площадями. Изначально был заложен раскоп размерами 10×2 м, а после для охвата всей предполагавшейся площади культурного слоя изучен участок размерами 9×10 м, включавший шурфы 1915 и 1923 гг. В дальнейшем для ориентировки группа П. П. Ефименко заложила

новый раскоп 2×10 м. Здесь расчистке подверглись шурфы И. С. Полякова, А. И. Кельсиева (В-С-4-8, В-С-8-10, О-Р-1-4, Н-11-12, F-12, Н-12), С. Круковского (D-С-10), С. Н. Замятнина (N-О-6). В результате была изучена территория размером 145 м². Если ориентироваться на общий план памятника П. П. Ефименко, то она охватила линии А, В-6-10, С-N-1-10, F-Н-11-12, О, Р-1-9. В дневнике Петра Петровича 1931 г. упоминалось о раскопе квадрата О-10 [12, л. 1-22; 13; 14, л. 1-11; 15; 16, л. 1-2] (рис. 1).

Следует отметить, что не менее 25–30 % изученной площади оказалось полностью снято или сильно повреждено в результате старых раскопок. Однако уцелевшая территория с множеством хозяйственных ям разного назначения смогла дать представление о характере внутреннего пространства, занятого Костенками 1/1. Наличие внутри него двух больших жилых углублений и четырех очагов, перекрытых толстым слоем культурных остатков в виде раздробленных костей животных, угля, расщепленных кремней позволило П. П. Ефименко прийти к выводу, что здесь находилось хорошо защищенное и прочно обжитое жилище. Таким образом, обнаружили новые следы и конструкции целого жилого комплекса [6, с. 30–33; 12, л. 1–22]. Также была собрана весомая коллекция, состоявшая из каменных и костяных изделий, предметов искусства и фаунистического материала (более 5949 находок) [12–16; 17, с. 7–9; 18].

Примененный П. П. Ефименко метод раскопок широкими площадями дал свои результаты. Однако охватить полностью место залегания культурных остатков и выяснить их характер не удалось, поскольку площадь сплошного обитания выходила во все стороны за пределы раскопа. Требовались новые работы для уточнения границ.

Раскопки стоянки Костенки 1/1 продолжились в 1932 г. Они сосредоточились на квадратах I-N-11-20 (рис. 4). В результате была изучена площадь, представлявшая собой часть хорошо сохранившегося жилища. Его пол оказался изрыт целой сетью углублений различных размеров. Интересной особенностью участка являлось преобладание небольших ям и западин, часто формировавших единые группы [6, с. 33–34; 19; 20] (рис. 2).

В следующем полевом сезоне, в 1933 г., перед Костенковской экспедицией встал ряд важнейших задач. Во-первых, следовало продолжить работы по изучению ранее выявленных жилых участков. Во-вторых, Петр Петрович планировал обнаружить места выходов мелового кремня, куда приходили древние обитатели Костенок для добычи материала, а также начать разведки палеолитических месторождений, расположенных выше по течению Дона [21, л. 2].

Для реализации первой задачи экспедицией было заложено два раскопа (рис. 5). Первый представлял

собой участок размерами 4×8 м, включавший очаги с золой и костным углем (2 объекта), ямы в полу жилья по типу объектов 1931 г. Он охватил места, раскопанные С. Круковским, и узкую канаву, прорезавшую культурный слой. Объект соответствовал по плану П. П. Ефименко площади квадратов Е-Н-13-20. Второй раскоп (квадраты О, Р-9-12 и Q, R-10-12) размером 12 м в длину содержал по всей площади богатые скопления костей [6, с. 34; 21, л. 3–10; 22; 23; 24] (рис. 3).

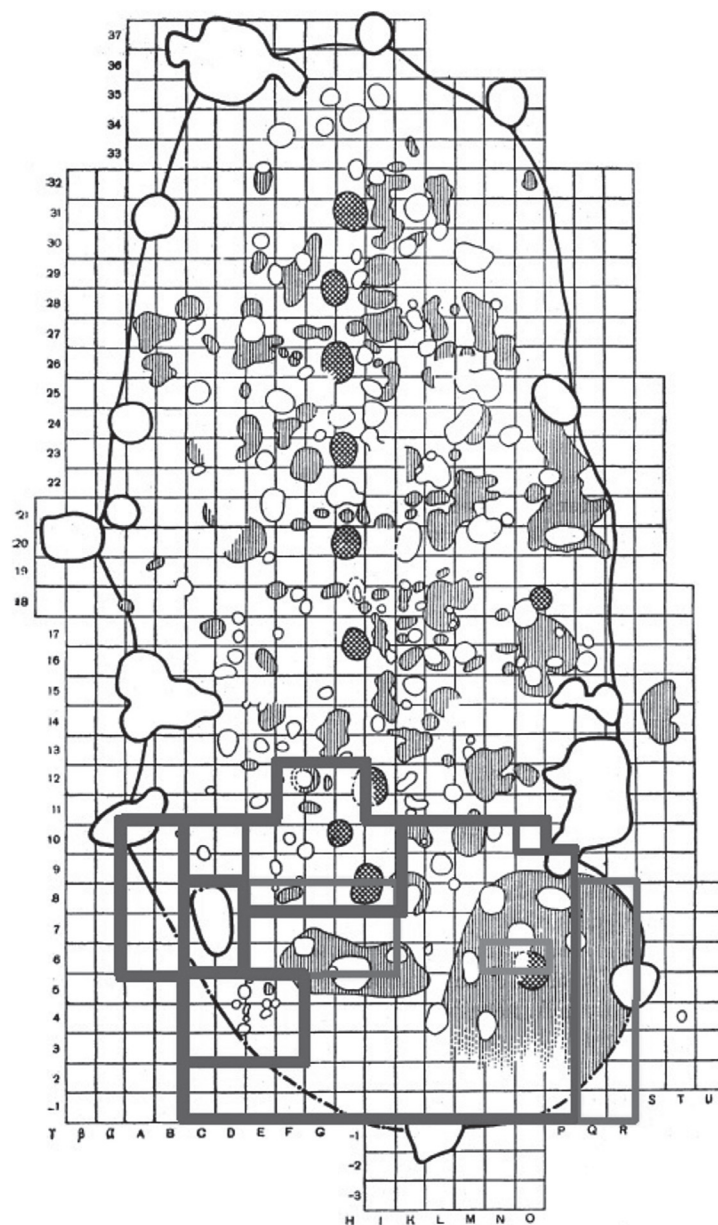
С изучением жилых комплексов происходил поиск месторождений кремня. А. Н. Рогачев и С. А. Семенов провели ряд разведок в районе водораздела Дона и Оскола, в радиусе 15 км от Костенок, однако это результатов не принесло [21, л. 3, 9].

После завершения раскопок на 1-м жилом комплексе стоянки Костенки 1/1 П. П. Ефименко вместе с работниками Воронежского краеведческого музея – заведующим историческим отделом И. Д. Смирновым и старшим научным сотрудником Д. Д. Леоновым – совершил поездку вверх по Дону в направлении Конь-Колодези и Задонска для выявления новых палеолитических месторождений. В результате ученые выявили ряд пунктов (например, Конь-Колодезь), где обнаружили каменные изделия [там же, л. 9, 10].

Немалое значение для экспедиции имели исследования фаунистических остатков из выявленного нижнего культурного слоя, осуществленные сотрудниками Воронежского сельскохозяйственного института В. И. Грозовым и П. А. Никитиным. Благодаря им удалось выяснить, что в состав фауны млекопитающих участка входила антилопа-сайга, совершенно неизвестная на стоянках Костенок и Борщево [23; 24].

Итогами экспедиции стали обнаруженная двухкамерная землянка с очагом, собранная богатая коллекция фаунистических остатков, обнаруженный новый более древний слой находок. Также подтвердилась теория, согласно которой между Костенками и Гагарино сосредоточен ряд палеолитических памятников.

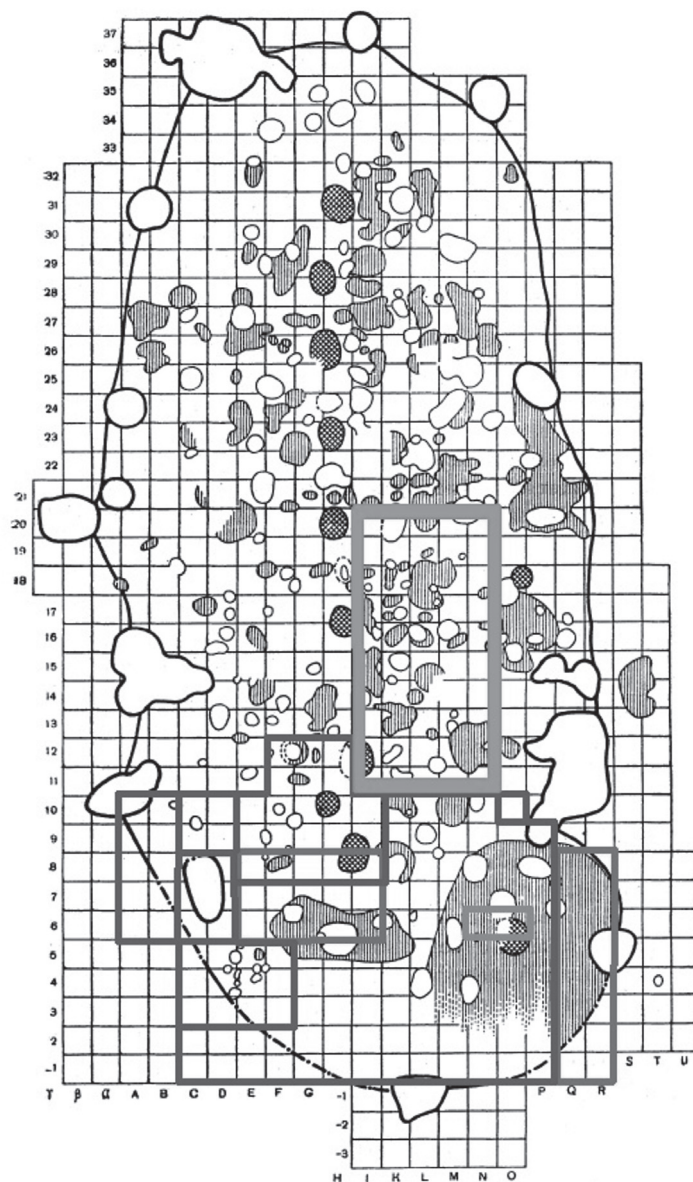
В 1934 г. внимание Костенковской палеолитической экспедиции сосредоточилось на исследованиях древних построек. В первом раскопе (О-Р-9-15) была полностью изучена найденная в 1933 г. землянка, разобрана прилегающая хозяйственная яма. Во втором раскопе, заложенном западнее (β – 10-15; α, A-D-10-17; E-11-12), исследователи обнаружили новое жилище двухкамерного типа. На недалеком расстоянии от нее была разобрана необычная яма с костным углем и золой. С точки зрения П. П. Ефименко, на этом месте раньше находилась однокамерная землянка [25, с. 70–71; 26; 27, с. 154–156; 28, л. 1–11] (рис. 4).

Условные обозначения:

- — — — — контуры жилой площадки, землянок, полуземлянок и кладовых
- - - - - приблизительная граница жилой площадки на местах старых раскопок
- - очаги
- - западины культурного слоя
- - ямки-хранилища
- - разведочный шурф С. Н. Замятнина 1922 г.
- - границы исследованной территории во время раскопок 1923 г.
- - границы исследованной территории во время раскопок 1931 г.

Рис. 1. Костенки 1. План 1-го жилого комплекса. Раскопки 1931 г.

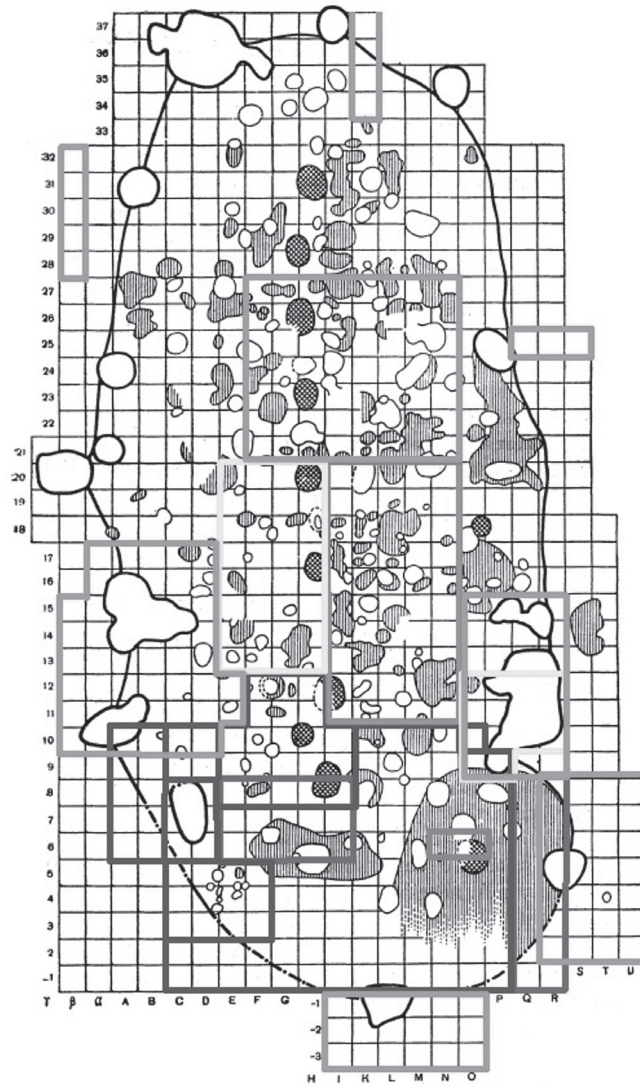
Условные обозначения:

- контуры жилой площадки, землянок, полуземлянок и кладовых
- приблизительная граница жилой площадки на местах старых раскопок
- очаги
- западины культурного слоя
- ямки-хранилища
- разведочный шурф С. Н. Замятнина 1922 г.
- границы исследованной территории во время раскопок 1923 г.
- границы исследованной территории во время раскопок 1931 г.
- границы изученной территории во время раскопок 1932 г.

Рис. 2. Костенки 1. План 1-го жилого комплекса. Раскопки 1932 г.

Рис. 3. Костенки 1. План 1-го жилого комплекса. Раскопки 1933 г.

Условные обозначения:

- — — — — контуры жилой площадки, землянок, полуземлянок и кладовых
- - - - - приблизительная граница жилой площадки на местах старых раскопок
- - очаги
- - западины культурного слоя
- - ямки-хранилища
- - разведочный шурф С. Н. Замятина 1922 г.
- - границы исследованной территории во время раскопок 1923 г.
- - границы исследованной территории во время раскопок 1931 г.
- - границы изученной территории во время раскопок 1932 г.
- - границы изученной территории во время раскопок 1933 г.
- - границы изученной территории во время раскопок 1934 г.

Рис. 4. Костенки 1. План 1-го жилого комплекса. Раскопки 1934 г.

Вскрытая двумя раскопами территория продемонстрировала, что жилые землянки и ямы-кладовые сосредоточились по обеим сторонам от линии очагов, непосредственно у окраины жилого пространства, часто выходя за его пределы. За ней культурный слой резко прерывался. В связи с этим перед исследователями встал вопрос: насколько простирается жилое пространство? Для ответа на него экспедицией было заложено 6 раскопов. В результате в третьем раскопе (I-O-1-3) обнаружилась яма-кладовая; в четвертом (F-N-21-27) – два очага с ямами-хранилищами и фрагментами больших трубчатых костей рядом; в пятом (R-V-2-8) – яма-кладовая; в седьмом (K-34-38) – место выклинивания культурных остатков; в восьмом (Q-Y-25) – небольшое скопление кремневых изделий и дробленой кости. Шестой участок (β-28-32) оказался вне пределов жилья [там же].

Исследования стоянки Костенки 1/1 экспедицией под руководством П. П. Ефименко завершились в 1936 г. За большой полевой сезон с июля по октябрь ей был заложен один крупный шурф. В ходе его изучения выделились четыре участка концентрации культурных остатков. На западном (γ-18-21, β-16-32, α, A-E-18-32) месте по краям жилой площадки обнаружили 4 ямы-кладовые и западины. На всем пространстве в культурном слое попадались мелкие обломки костей. Центральный участок (F-N-27-32) примыкал к раскопу 1934 г. Здесь обнаружили два очага и западины неопределенной формы. За ними простиралось обжитое пространство с рядом хозяйственных ям. Восточный участок (O-R-15-32) включал две ямы-кладовые, две западины подтреугольной формы с слоем костей мамонта и кремней. На северном участке (A-O-33-37) исследователи нашли землянку со следами заброшенности и разрушений. В целом, изученная территория была покрыта мощным слоем культурных отложений. По ее центральной оси располагались два очага (в диаметре 1–1,20 м) с золой и углем [29; 30, с. 448, 451–452; 31, с. 425, 426, 430; 32] (рис. 5).

Для завершения общей конфигурации экспедиция вскрыла небольшой участок в западной части стоянки, расширила площадь основного раскопа в районе восточных границ. Все расширяющие зоны охватили квадраты β, α-1-9, A-B-1-5, S-9-24, T-12-18. Однако они оказались вне пределов жилища. Зато обнаружилась западина бобовидной формы с небольшим скоплением кремней и костей [32; 33] (рис. 5).

В результате исследований 1936 г. удалось вскрыть площадь свыше 600 м², установить границы жилого пространства и изучить все находившиеся в его рамках скопления культурных остатков. Была собрана богатая коллекция находок [6, с. 36–39; 29, с. 156; 32–34; 35, с. 278–279] (рис. 5).

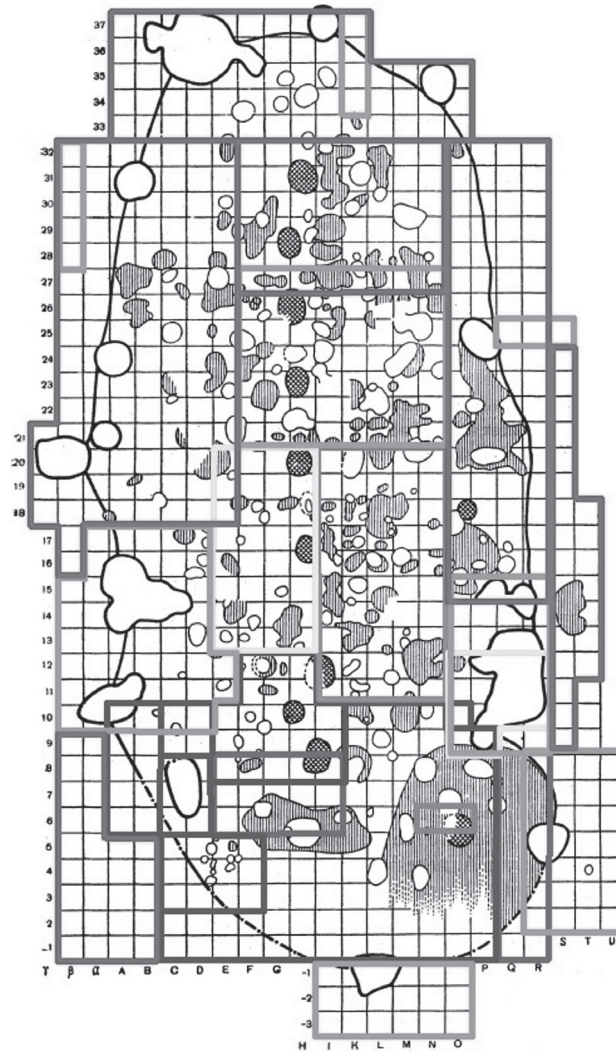
Таким образом, благодаря работам Костенковской палеолитической экспедиции 1923–1936 гг. на стоянке Костенки 1/1 удалось обнаружить и изучить 1-й и 3-й жилые комплексы. И если первый был разобран полностью, то последний только разведан.

1-й жилой комплекс представлял собой обширную жилую площадку овальных форм размерами 36×14–15 м, ориентированную с северо-запада на юго-восток. Она очерчивалась мощным культурным слоем и цепью расположенных по ее окраинам ям. Одни из них носили характер хорошо утепленных жилых помещений – полуземлянок и землянок (4 объекта). Другие представляли собой хозяйственные ямы-кладовые (их насчитывалось 12). По всей длине жилой площадки через центр проходила сеть очагов (всего объектов этого типа насчитывалось 10). Ряд углублений и окружавшая их территория являлись наиболее обжитыми частями жилища: здесь группировались ямки-хранилища. Кремневый материал распределялся неравномерно. Часть его оказалась вынесена по кротовинам. В целом, коллекция находок составила более 10 000 предметов [6, с. 40–42; 36, с. 32–33].

Как трактовались изученные объекты? П. П. Ефименко описывал их как «остатки какого-то обширного жилья» [6, с. 41]. Он предполагал, что на территории 1-го жилого комплекса располагалось длинное жилище, перекрытое крышей из шкур [там же, с. 204–208]. Это предположение некоторое время признавалось единственно верным. Однако с новыми исследованиями на Костенках 1/1 стали появляться в кругу исследователей новые идеи, радикально отличающиеся от позиции Петра Петровича.

В 1951 г. А. Н. Рогачев и М. Н. Грищенко обнаружили к юго-западу от 1-го 2-й жилой комплекс. Это не только открыло простор для дальнейших работ на памятнике, но и подтолкнуло к переосмыслению старых концепций. Особое положение некоторых землянок позволило ученым предположить, что на территории стоянки находился древний строительный комплекс, где жилые помещения присоединялись по периметру к большому дому в качестве отдельных комнат [11, с. 47; 37, с. 193].

Г. П. Григорьев выдвинул идею, согласно которой землянки и сооружение с линией очагов памятника были единым комплексом, но между ними находилась открытая площадка с насыщенным культурным слоем [38, с. 346–349]. В. Я. Сергин, изучая жилые объекты в Костенках 1/1, развил эту мысль. На основе результатов их сравнения с материалами Авдеева, Юдинова, Добраничевки, Межиричей и Мезина он выдвинул гипотезу, что каждый костенковско-авдеевский комплекс, в том числе и 1-й, следует считать отдельным поселением [39, с. 11–12]. Этот вывод был подтвержден исследованиями на Зарайской стоянке,

Условные обозначения:

- - контуры жилой площадки, землянок, полуземлянок и кладовых
- - - - - приблизительная граница жилой площадки на местах старых раскопок
- - очаги
- - западины культурного слоя
- - ямки-хранилища
- - разведочный шурф С. Н. Замятнина 1922 г.
- - границы исследованной территории во время раскопок 1923 г.
- - границы исследованной территории во время раскопок 1931 г.
- - границы изученной территории во время раскопок 1932 г.
- - границы изученной территории во время раскопок 1933 г.
- - границы изученной территории во время раскопок 1934 г.
- - границы изученной территории во время раскопок 1936 г.

Рис. 5. Костенки 1. План 1-го жилого комплекса. Раскопки 1936 г.

где обнаружили фрагменты переслаивающихся обширных жилищно-хозяйственных объектов подобного типа, связанных с двумя различными уровнями обитания [40, с. 15–16].

В итоге работы Костенковской палеолитической экспедиции с 1926 по 1936 г. создали основу для разработки идей и даже целых концепций относительно быта и устройства поселений людей, проживавших во времена верхнего палеолита на территории Среднего Дона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Поляков И. С. Антропологическая поездка в Центральную и Восточную Россию / И. С. Поляков. – СПб., 1880.
2. Формозов А. А. Российские археологи в период тоталитаризма / А. А. Формозов. – М., 2006.
3. Захарова Е. Ю. Деятельность Сергея Николаевича Замятина в Воронежском губернском музее / Е. Ю. Захарова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2014. – № 2.
4. Бессуднов А. Н. Костенковско-Борщевский археологический район в научном наследии В. А. Городцова / А. Н. Бессуднов, Е. Ю. Захарова // Естественнонаучные методы в изучении и сохранении памятников Костенковско-Борщевского археологического района. – Воронеж, 2017.
5. Пахомов Р. В. Деятельность Воронежского краеведческого музея по изучению Костенковско-Борщевского археологического района в 1920-х годах / Р. В. Пахомов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2022. – № 2.
6. Ефименко П. П. Костенки I / П. П. Ефименко. – М., 1958.
7. Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого Российской академии наук (далее – МАЭ РАН). – № 4464.
8. Ефименко П. П. Статуэтка солютрейского времени с берегов Дона / П. П. Ефименко // Материалы по этнографии. – 1926. – Т. 3, вып. 1.
9. Векилова Е. А. Летопись работ Костенковской палеолитической экспедиции (1922–1976 гг.) / Е. А. Векилова // Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. – Л., 1977.
10. МАЭ РАН. – № 5735.
11. Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. Некоторые итоги полевых исследований. – Л., 1982.
12. Научный архив Рукописного отдела Института истории материальной культуры Российской академии наук (далее – НА РО ИИМК РАН). – Оп. 1. – 1931. – Д. 866. – 28 л.
13. НА РО ИИМК РАН. – Оп. 1. – 1931. – Д. 868. – 54 л.
14. НА РО ИИМК РАН. – Оп. 1. – 1931. – Д. 869. – 11 л.
15. НА РО ИИМК РАН. – Оп. 1. – 1931. – Д. 870. – 7 л.
16. НА РО ИИМК РАН. – Оп. 1. – 1931. – Д. 871. – 46 л.
17. МАЭ РАН. – № 868.
18. Ефименко П. П. Палеолит СССР. Итоги и перспективы его изучения / П. П. Ефименко // Сообщения ГАИМК. – Л., 1931. – № 3. – С. 7–9.
19. НА РО ИИМК РАН. – Оп. 1. – 1932. – Д. 254. – 10 л.
20. НА РО ИИМК РАН. – Оп. 1. – 1932. – Д. 256. – 47 л.
21. НА РО ИИМК РАН. – Оп. 1. – 1933. – Д. 184. – 10 л.
22. НА РО ИИМК РАН. – Оп. 1. – 1933. – Д. 247. – 35 л.
23. НА РО ИИМК РАН. – Оп. 1. – 1933. – Д. 254. – 35 л.
24. НА РО ИИМК РАН. – Оп. 1. – 1933. – Д. 255. – 10 л.
25. Ефименко П. П. Итоги работ в Костенках / П. П. Ефименко // Проблемы истории докапиталистических обществ. – М., 1934. – № 4.
26. Ефименко П. П. Палеолитические стоянки Восточно-Европейской равнины / П. П. Ефименко // Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. – Л., 1934. – Вып. 5.
27. Ефименко П. П. Село Костенки, 1934 г. / П. П. Ефименко // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. – М., 1941.
28. НА РО ИИМК РАН. – Оп. 1. – 1934. – Д. 387. – 38 л.
29. Ефименко П. П. Село Костенки, 1936 г. / П. П. Ефименко // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. – М., 1941.
30. Ефименко П. П. Первобытное общество / П. П. Ефименко. – Л., 1938.
31. Ефименко П. П. Первобытное общество. Очерки по истории палеолитического времени / П. П. Ефименко. – Киев, 1953.
32. НА РО ИИМК РАН. – Оп. 1. – 1936. – № 334.
33. НА РО ИИМК РАН. – Оп. 1. – 1936. – Д. 395.
34. НА РО ИИМК РАН. – Оп. 1. – 1936. – Д. 416. – 119 л.
35. Рогачев А. Н. Предварительное сообщение о работах Костенковской экспедиции в 1936 г. / А. Н. Рогачев // Советская археология. – М., 1940. – № 5.
36. Верхний палеолит : образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН. – СПб., 2016.
37. Рогачев А. Н. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма / А. Н. Рогачев, М. В. Аникович // Палеолит СССР (Археология СССР). – М., 1984.
38. Grigor'ev G. P. A new reconstruction of the above-ground dwelling at Kostenki I / G. P. Grigor'ev // Current Anthropology. – 1967. – Vol. 8, № 4.
39. Сергин В. Я. О сущности костенковско-авдеевских комплексов / В. Я. Сергин // Краткие сообщения Института археологии – М., 1987. – Вып. 189.
40. Амирханов Х. А. Проблема «палеолитической деревни» костенковской культуры в свете исследований Зарайской стоянки / Х. А. Амирханов, С. Ю. Лев, А. Б. Селезнев // Краткие сообщения Института археологии. – М., 2001. – Вып. 211.

Воронежский областной краеведческий музей
Пахомов Р. В., старший научный сотрудник
E-mail: RomanPachomov77@yandex.ru

Voronezh Regional Museum of Local Lore
Pakhomov R. V., Senior Researcher
E-mail: RomanPachomov77@yandex.ru